

НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

Неолиберализм: в поисках перевода

Рецензия на книгу: Kayaalp Ebru. 2015. *Remaking Politics, Markets and Citizens in Turkey: Governing Through Smoke*. London: Bloomsbury Academic. 232 p.¹

КОНРОЙ Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: nconroy@hse.ru

Книга Эбру Кайаалп — редкий пример этнографического исследования, в котором читатель найдёт всё и сразу: необычный и подвижный объект, смелое экспериментирование с методами полевой работы, продуктивное сочетание новейших теоретических подходов, дающий пищу для размышлений анализ и увлекательное повествование. Автор раскрывает роль международных экспертов и заимствованных институтов («устройств») в неолиберальном реформировании табачного рынка современной Турции, используя инструментарий акторно-сетевой теории и антропологии рынков М. Каллона. Она утверждает, что устройства, с помощью которых эксперты переводят глобальные стандарты в турецкий контекст, преобразуют не только табачный рынок: они деполитизируют политику и создают новые «режимы гражданства». В то же время исследователь показывает, что глобальные стандарты и институты как устройства никогда не соответствуют условиям эксплуатации в принимающей их стране и не «локализируются». Они зависят от многочисленных акторов нового ассамбляжа, которые ситуативно и контекстуально наполняют заимствованные институты содержанием и программой действий. Автор рецензируемой книги считает, что такая особенность адаптации глобальных стандартов и институтов затрудняет сравнительный анализ экономик развивающихся стран, ступивших на путь либерализации. Тем не менее хочется верить, что с ростом числа этнографических описаний появятся возможности как для сопоставления, так и для проверки некоторых чрезвычайно интересных и спорных предположений Эбру Кайаалп. Действительно ли описанный ею процесс «оседания» институтов качественно отличается от «локализации» или «натурализации»? Связывают ли кризисные развивающиеся экономики и западные финансовые институты отношения «дара», при которых Запад получает выгодные для транснациональных корпораций реформы в обмен на доступ к финансированию? Являются ли международные эксперты теми ключевыми акторами, благодаря которым «путешествующие рациональности» Запада достигают мест своего оседания? На мой взгляд, издание этой замечательной этнографии — важное событие, и книга может стать источником вдохновения, примером для подражания и поводом для дискуссий не только среди антропологов, социологов, историков, но и среди тех, кто производит то самое экспертное знание, трансформирующее политику и рынки.

¹ При написании рецензии использована электронная версия книги, любезно предоставленная издательством Bloomsbury. Нумерация страниц в бумажном и электронном изданиях различается.

Ключевые слова: антропология рынков; многоместная этнография; акторно-сетевая теория; история неолиберальных реформ; экспертиза; табак; Ближний Восток.

«Формула» исследования

Книга антрополога Эбру Кайаалп² — это невероятно интересное этнографическое исследование того, как в 2000-х гг., в ходе реформы табачного сектора в Турции, с помощью экспертов адаптировались, переводились и переформулировались западные неолиберальные идеи, политики и институты. Результатом этой реформы стало появление нового табачного рынка, в который вовлечено множество акторов, чьи скрытые связи и сети автор прослеживает, сделав главным героем своего анализа восточный табак (*oriental tobacco*)³. Этого, пожалуй, достаточно, чтобы читатель заёрзал в нетерпении, строя догадки о возможных подходах автора. Кайаалп использует уже показавшие свою успешность сочетания теорий и методов, которые становятся всё более привычными для антропологов, изучающих современный капитализм.

Итак, что вошло в её формулу? Во-первых, широкий круг антропологий в жанре исследования товаров (*commodity analysis*) — от М. Мосса и Б. Малиновского до С. Минца [Mintz 1986]. Во-вторых, современные теоретические перспективы, фокусирующиеся на товарах как единицах анализа («анализ товарных цепочек» Т. Хопкинса и И. Валлерстайна; «режимы ценностей» А. Аппадурои; «вещи как актанты» акторно-сетевой теории). В-третьих, фукодианский подход, с помощью которого автор книги раскрывает отношения власти. Л. Альтюссер, Т. Митчелл, Дж. Маркус, Б. Латур, М. Каллон и многие другие участвовали в создании уникальной формулы этого исследования. Его полевая часть (сентябрь 2005 — март 2008 гг.) — это многоместная этнография, в которой автор путешествовала по турецким деревням в компании представителей измирской «Ассоциации табачных экспертов», интервьюировала высоких правительственных чиновников, ходила на парламентские слушания по вопросам табачной отрасли в Анкаре. Конечно, решаясь на исследование таких явлений, как рынки, антрополог обрекает себя на запаздывание⁴, и Эбру отмечает, что к началу полевого этапа многие интересные ей процессы и события уже произошли. Однако важным открытием её исследования оказалось то, что люди, проводящие экономическую политику, тоже не поспевают за рынком. «Временное несоответствие» между знаниями о рынке и происходящими изменениями акторы активно компенсировали спекуляциями, догадками и слухами.

Своё исследование Эбру начинала как классическое включённое наблюдение, но участники её сети, по большей части, были разделены пространством и временем. Чтобы компенсировать это, она прибегала к библиотечным и архивным изысканиям или использовала методы, получившие распространение в отдельных направлениях антропологических исследований (например, технику «следования за конфликтом», заимствованную из антропологии права).

² В 2010 г. Э. Кайаалп получила степень PhD в одном из ведущих центров современной антропологии — в Университете Райса (Rice University) в Хьюстоне (Техас, США). В настоящее время является доцентом Колледжа коммуникаций, кино и телевидения в Городском университете Стамбула (İstanbul Şehir University).

³ В диссертационном исследовании автора «биографии» (то есть превращению культивируемого растения в конечный продукт, товар) была посвящена глава; в книге табак, оставаясь связующим акторов звеном, уходит на задний план.

⁴ Феномен «запаздывающего исследователя» (*belated anthropologist*) проанализирован Дж. Маркусом [Marcus 2013]. По мнению Кайаалп, беспокойная жизнь антрополога, следующего за вещами и рынками, компенсируется его освобождением от ряда классических проблем: исследователь не рискует превратиться в туземца, утратив критическую дистанцию, он может забыть о многих незавершённых дискуссиях дисциплины (кто такой «другой», что такое «культура», что значит «другая культура»).

Актеры

Среди героев этой истории — табачная монополия и министерство финансов, перерабатывающие предприятия и компании–производители сигарет, политики и фермеры, но её главными актерами являются эксперты. В контексте исследования эксперты — это технократы, которые транслируют развивающимся странам идеи и рациональности международных финансовых институтов. Следуя логике акторно-сетевого подхода, Эбру Кайаалп не только уравнивает человеческих и нечеловеческих акторов исследуемой сети, но и рассматривает нечеловеческих участников как узлы, организующие деятельность людей. В исследовании выделены три таких узла, с помощью которых структурируется повествование. Узлы — это «устройства» (*devices*), создаваемые экспертами для перевода глобальных стандартов западного мира в турецкий национальный контекст. Каждое устройство используется в определённой сфере, каждому посвящена часть книги. Первое — это ТАРДК: орган, пришедший на смену государственной табачной монополии ТЕКЕЛ и по-новому регулирующий отрасль (часть первая «Политики», главы 1–3). Второе устройство — фермерский контракт, ставший неолиберальной альтернативой госзакупкам табачного сырья (часть вторая «Рынки», главы 4–5). Третье устройство — публичный дискурс «глобального здоровья», соединивший в себе риторику «ответственного гражданства» и исламские ценности (часть третья «Граждане», главы 6–8). Эти устройства *превращают* политическую арену в совокупность политик технического управления в границах регулирующих органов (комитетов, агентств и бюро); сельскохозяйственную культуру — в калькулируемый и обмениваемый рыночный товар; управляемых индивидов — в послушных, ответственных, саморегулируемых граждан национального государства⁵.

Кайаалп не злоупотребляет языком акторно-сетевой теории, ограничиваясь несколькими концептами: «кризис формулы», «социотехническое устройство», «политика в действии», «перевод» и — опосредованно — «удалённое действие» (*action at the distance*). Это последнее она использует в адаптации П. Миллера и Н. Роуза — как «удалённое управление» (*governance at the distance*) [Rose, Miller 1992]. В анализе она умело применяет понятия акторов своего поля⁶, а также собственную метафору путешествия идей, экспертов, институтов, законов, табака. Автор изучает движение, волны распространения и апробации неолиберальных инноваций. В этом смысле её интересуют контекстуализация и оседание, которые она отличает от «локализации», «аборигенизации» и «натурализации». Специфику этого различия автор не вполне проясняет, но даёт понять, что дело не только в реифицирующей силе «места». Вероятно, это способ показать, что, передаваясь по гибкой, меняющейся сети, заимствования превращаются в такую же гибкую, изменчивую, противоречивую турецкую политику.

История

Турция — седьмой крупнейший производитель табака в мире, хотя в последние годы производство в стране неуклонно падало. В 1960–1970 гг. прибыль табачного сектора составляла 6–7% национального бюджета. Табачный сектор регулировался госмонополией ТЕКЕЛ, ей принадлежали обрабатывающие и производственные предприятия. Государственная поддержка отрасли началась в 1927 г., система-

⁵ Третья часть книги — это расширение диссертационного исследования автора, которое заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому отмечу лишь, что Э. Кайаалп утверждает, что более 100 лет актеры, выступающие в Турции от имени табака, говорят на языке национализма. В неолиберальной риторике тоже находится место консервативным националистическим и исламистским дискурсам. Как когда-то с помощью табака выстраивались границы между турками и другими (немцами, американцами, русскими/советскими, меньшинствами самой Турции), так сегодня проводятся различия между группами граждан страны (устанавливаются разные «режимы гражданства»).

⁶ Такие, например, как «стандарты», «коррупция» или понятие *good governance* (хорошее управление), введённое в 1992 г. экспертами Всемирного банка, и активно использующееся при проведении политики в отношении развивающихся экономик.

тический характер приобрела в 1947 г. и продолжалась до 2001 г. в форме гарантированных закупок всего культивируемого фермерами табака. Минимальные цены устанавливались до начала продаж урожая, что заставляло частные компании делать фермерам более выгодные предложения, а фермеров стимулировало к выращиванию табака даже на непригодных землях в ущерб качеству и другим культурам. В 1990–2001 гг. монополия работала как институт социальной защиты, создавая дефицит бюджета; в отдельные годы доля поддерживающих закупок была в 4 раза выше административных (то есть закупок для производственных нужд самой монополии), отрасль страдала от избытка предложения. В 1960–2000 гг. в стране сформировался активный потребительский рынок (за это время продажи сигарет выросли в четыре с лишним раза). Турецкие курильщики покупали дешёвые отечественные бренды, в основе рецептуры которых был восточный табак. В 1990-х гг. TEKEK являлась пятым крупнейшим мировым производителем сигарет.

Утрата позиций TEKEK на рынке происходила постепенно. В 1984 г. в рамках первых неолиберальных преобразований с привлечением средств международных финансовых институтов был снят запрет на импорт зарубежных марок. В 1986 г. в целях либерализации экономики и борьбы с теневым рынком сигарет правительство объявило об открытии рынка для иностранных производителей, которые обязывались делать совместные с TEKEK инвестиции. В 1991 г. транснациональные компании получили право открывать в Турции собственные производства, устанавливать цены и продавать сигареты. Пионером стала компания Philip Morris International — позже к ней присоединились другие.

Однако настоящие проблемы сектора начались в 2001 г. — с февральского экономического кризиса в Турции. Для привлечения финансовой помощи Запада в рамках программы «15 законов за 15 дней» были дерегулированы несколько отраслей экономики. Новый Табачный закон 2002 г. заменил государственную ценовую поддержку на систему контрактного фермерства. Было объявлено о приватизации TEKEK (она состоялась в 2008 г. после двух неудачных попыток⁷). Для регулирования сектора создали новый институт — TAPDK. Началась реорганизация производства и продажи табака. За годы реформ небольшие местные перерабатывающие компании уступили место транснациональным гигантам рынка. В довершение реформ сектора в 2008 г. был принят закон, запрещающий курение в общественных местах. Все эти мероприятия привели к более чем 20%-ному падению потребления сигарет в 2000–2011 гг.

Объяснение

Говорить о копировании западных институтов, стандартов, ценностей и образа жизни развивающимися странами стало настолько привычным делом, что мы редко задумываемся, насколько к этим процессам применимо понятие «копирование». Турция (наверное, самый яркий и иногда даже считавшийся успешным пример) уже около 100 лет на собственном опыте демонстрирует, что всё не так просто.

Эбру Кайаалп предлагает использовать для понимания таких процессов аналитические инструменты исследований науки и техники и акторно-сетевой теории. Она рассматривает финансовый кризис 2001 г. в Турции как «кризис формулы», который повлёк за собой перестройку существующего «социотехнического устройства». Конечно, и «формула», и «устройство» были сетью более мелких, в разное время возникших формул и устройств, которые иногда давали сбои. Одним из самых простых и надёжных инструментов табачного сектора издавна был кочан (*koçan*) — регистрационная карточка фермера, на основании которой его как актора отрасли распознавало государство. Кочан появился ещё во времена Османской империи и просуществовал до 2002 г. В соответствии с обязательствами поддержки сектора государство по единой цене выкупало у фермеров, имевших кочаны, весь выращен-

⁷ В результате приватизации работу потеряли около 12 тыс. чел.; уличные протесты бывших сотрудников предприятий монополии продолжались более 70 дней.

ный ими табак. Высококачественный, культивируемый на аридных почвах табак западных областей перерабатывался и отправлялся на фабрики монополии для производства сигарет; низкокачественный табак восточных областей оседал на складах. Через шесть лет хранения неиспользованный урожай признавался непригодным и из товара превращался в отходы.

Кайаалп описывает процесс коммодификации и декоммодификации табака, демонстрируя, как избыточное предложение обретает форму «объективных» цифр в статистических отчётах и становится аргументом критиков популистской, «иррациональной», нерыночной политики госмонополии. Автор подробно рассказывает о попытках внедрения новых формул и устройств — программ по стимулированию выращивания альтернативных культур и квотированию производства. Однако экономические средства борьбы со складскими излишками не выдерживали конкуренции с политическими⁸: начиная с 1970-х гг. монополия регулярно или периодически прибегала к сжиганию лишнего табака⁹. И всё же попытка замены формулы дала результаты, хотя и не те, что от неё ожидалось. Эксперимент с квотированием привёл к расхождению числа фактических и легальных производителей табака. Опасаясь нововведений, фермеры стали регистрировать родственников, то есть получать кочаны для жён, детей и т. д. Кочан перестал работать и был заменён новым рыночным устройством (*market device*) — контрактом¹⁰, практики использования которого автор подробно описывает и анализирует в главе 5.

Экономический, хотя и нелегальный, способ борьбы со складскими излишками тоже появился и привлёк к себе скандальное внимание в 1990-х гг. Монополия обладала правом продавать скопившийся на складах табак частным перерабатывающим компаниям, а те после сортировки, мытья, сушки и резки могли предложить его производителям сигарет. Такой табак считался экспортным: он не облагался налогами и не должен был продаваться или использоваться при производстве сигарет внутри страны. На практике основными покупателями складских запасов стали вышедшие на турецкий рынок транснациональные корпорации, которые через цепочку посредников, от имени перерабатывающих предприятий, закупали складские «отходы» по бросовым ценам, а заодно сбивали государственные закупочные цены на урожай следующего года. Этот альтернативный рынок не регулировался государством: сектор пережил ряд скандалов и разбирательств, которые свидетельствовали о том, что значительная часть сырья никогда не покидала страну и в отсутствие транзакционных издержек принесла покупателям огромную прибыль. В коррупционных схемах оказались замешаны высокопоставленные чиновники, однако — в той или иной мере — все акторы табачного сектора являлись участниками этого теневого рынка, где преимуществами обладали транснациональные корпорации. Так госмонополия одной, социально-ориентированной, рукой поддерживала фермеров (и создавала дефицит бюджета), а другой, коррумпированной, помогала своим иностранным конкурентам.

Когда в феврале 2001 г. подобные кризисы формул и устройств в разных секторах экономики усилились, государству срочно потребовались средства на её «капитальный ремонт» и бригада хороших технических специалистов. Поставщиками выступили Международный валютный фонд и Всемирный банк. Условием получения помощи было экстренное проведение неолиберальных реформ, и обеспечивал их Кемаль Дервиш, который после 22 лет работы во Всемирном банке был приглашён на пост министра экономики Турции. Пресса тут же окрестила его «суперменом», а Эбру Кайаалп называет

⁸ Экономике в отрасли было сложно конкурировать с политикой: во всех предвыборных кампаниях закупочные цены были козырной картой кандидатов. Как отмечает Кайаалп, фраза Сулеймана Демиреля «я дам вам на 5 тысяч (Лир. — Н. К.) больше», брошенная в предвыборной гонке 1991 г., до сих пор является частью коллективной памяти турецких фермеров.

⁹ Говоря об «управлении с помощью дыма», Кайаалп имеет в виду и этот дым уничтоженного табака, так и не дошедшего до потребителя.

¹⁰ Введение контрактного фермерства в табачной отрасли породило коррумпированный рынок-спутник, товаром на котором стали сами контракты.

«технократом», транслирующим миру «путешествующие рациональности» международных финансовых институтов. Анализируя политику Дервиша, она находит параллели в эпохе Тургутта Озала и его «принцев» — команды молодых технократов, которых тот привёл с собой в 1983 г.¹¹ Хотя Озал идеологически придерживался исламских ценностей, а Дервиш оставался чужаком на турецком политическом поле, оба они считали залогом успешных реформ чёткое разделение экономики и политики.

По Дервишу, смешение экономики и политики ведёт к плохому управлению (*bad governance*), делает экономику менее прозрачной (*transparency*), нарушает работу рынков, поэтому все потоки между политической и экономической сферами должны контролироваться, управляться и структурироваться. Критики Дервиша отмечали, что сведение политики к администрированию — само по себе политический проект, отвечающий интересам международных финансовых центров, а не национальной экономики. Кайаалп утверждает, что дискурс Дервиша — это антиполитический дискурс стандартизации и техникализации политики. Исследователь доказывает, что политическая сфера для Дервиша не была равна политике. Политика представляла собой набор техник и практик, обеспечивающих легитимную работу рынка, а политическая сфера являлась источником коррупции, nepotизма и злоупотреблений. Стремясь к хорошему управлению (*good governance*), Дервиш создавал антиполитическую, свободную от зло-употреблений среду.

Главной причиной кризисов развивающихся экономик международные финансовые институты считали коррупцию. Начав публикацию индекса восприятия коррупции (*The Corruption Perceptions Index*), центр антикоррупционных исследований и инициатив *Transparency International* конвертировал это явление в баллы на международной шкале, благодаря чему государства стали сопоставимы между собой. Аналитические концепты заработали как социотехнические устройства, сделали политическое измеримым и позволили дисциплинировать и управлять национальными государствами.

Одним из инструментов такого дисциплинирования и управления стали регулирующие органы (агентства, бюро, комитеты), которые процветали в Европе 1980-х гг. Как утверждает автор рецензируемой книги, в развивающихся странах они возникали не вследствие внутренней потребности, а как феномен, привнесённый международными финансовыми институтами. Целью такого трансфера было преобразование экономических и политических структур незападных стран, открывающее в них доступ Западу.

Именно таким, навязанным Турции извне, оказался Табачный закон 2002 г. Он был в 10 раз короче своего предшественника (12 vs. 120 статей) и принёс в отрасль четыре преобразования — отмену поддерживающих закупок, изменение маркетинговой системы, приватизацию TEKEL и создание табачного регулирующего органа (TAPDK). В поисках истоков Табачного закона Кайаалп обращалась к разным источникам и часто слышала от своих собеседников, что единственная причина его появления — обязательства, взятые правительством перед МВФ. Её информанты иронически называли Табачный закон «подарком» Фонду, Банку и США. Кайаалп подчёркивает, что в 1980-х гг. политика «предъявления условий» (*conditionality*) стала новым глобальным подходом бреттонвудских институтов. МВФ и ВБ начали буквально покупать политические изменения в развивающихся странах.

В главе 2 антрополог сравнивает восприятие Табачного закона в период его принятия и пять лет спустя, когда она присутствовала на парламентском обсуждении поправок в одну из его статей. Если в первом случае принятие закона объяснялось требованиями МВФ, то во втором внесение поправок

¹¹ Именно Озал начал радикальное открытие страны для иностранного капитала и реализацию неолиберальной идеи создания «активного гражданина», ответственного за свою судьбу. Он считал, что закон необходим не для социальной поддержки граждан, а для того, чтобы дать индивидам возможность реализовать собственный потенциал (то есть сделать быстрые деньги). Коррупция и манипулирование законом стали яркими приметами эпохи Озала.

увязывалось с требованиями по вхождению в ЕС. Кайаалп вводит понятие «закон как машина», чтобы показать, что закон превращается в инструмент достижения целей, а политика становится антиполитической, технической процедурой. Кайаалп утверждает, что проект Табачного закона как машины был импортирован с Запада и его технические характеристики не отвечали условиям эксплуатации в принимающей стране, но правительство и депутаты предпочли этого не заметить.

На мой взгляд, наиболее интересная часть анализа представлена в главе 3, где автор исследует, как в импортированном институте — регулирующем органе ТАРДК — принимаются решения. В качестве примеров она выбирает две ситуации, каждая из которых характеризовалась конфликтом и спекуляциями (то есть догадками и предположениями участников). Эбру Кайаалп «следует» за этими конфликтами и приходит к выводу, что у импортированных институтов нет готовых политик. В большинстве случаев они действуют в условиях неопределённости, и их эмерджентные практики формируются во множественных взаимодействиях различных акторов. Исследователь утверждает, что регуляторы путешествуют по миру как стандартизированные институты, управляющие экономической и социальной жизнью в местах своего оседания. Опираясь на экспертизу, они утверждают нейтральность, авторитет и способность перейти из сферы политики в область истины (*truth*). При этом каждый регулятор работает в своей уникальной манере (*sui generis*), поэтому их нельзя сравнивать с такими же регуляторами в других странах или описывать в терминах «локализации» и «натурализации» глобальных политик. Поскольку эта уникальность стиля ярче всего проявляется в ситуациях конфликта, а анализ интересен методологически, я позволю себе углубиться в подробности.

Первый конфликт возник в результате покупки в Испании монополией ТЕКЕЛ партии упаковочных машин для одного из своих заводов. Восемь машин были приобретены в рассрочку на четыре года по цене 13,8 млн евро за каждую. Практически сразу в отрасли появились спекуляции, что оборудование не новое, заговорили о коррумпированности подписанта договора покупки. В накалившейся обстановке министр финансов «интерпеллировал» ТАРДК, заявив, что проверка машин — дело регулятора. Инспекторы ТАРДК обвинили гендиректора завода в покупке бывших в употреблении машин. Закон, с одной стороны, обязывал инвестировать в новое и современное оборудование, но, с другой — распространял это требование только на новых участников рынка. Эта неоднозначность толкования привела к тому, что участники конфликта заказали три альтернативных экспертных отчёта о состоянии оборудования: результаты оценки оказались разными. В итоге, машины были возвращены поставщику, а участники рынка обвинили экспертов регулятора в помощи иностранным табачным компаниям. Автор книги отмечает, что националистический дискурс в табачной отрасли возникал в каждой конфликтной ситуации: если монополия совершала коррумпированное действие в интересах национального государства, усиливая конкурентоспособность отечественного производителя, то агентство, по мнению отраслевиков, должно было выступать на стороне монополии (а если оно этого не делает, значит, «недостаточно любит свою страну»).

Основными участниками второго конфликта оказались Министерство финансов и иностранные производители сигарет. В 2002–2005 гг. налоги на производство сигарет менялись семь раз; в трёх случаях это сильно повлияло на структуру рынка. Решающим нововведением стало повышение налогов на табачные смеси с малым содержанием восточного табака. Потенциально в выигрыше оказывалась ТЕКЕЛ с её недорогими отечественными брендами; международные корпорации проигрывали. Однако эти последние быстро анонсировали рост доли восточного табака до 67% в смесях своих сигарет среднего ценового сегмента. Участники рынка заговорили о том, что «научных» доказательств реальности этих изменений нет. Регулятор оставался в стороне до тех пор, пока один из журналистов не написал, что проверка состава смесей — задача ТАРДК. Следом Минфин объявил, что транснациональные корпорации должны заплатить штрафы, поскольку не согласовали изменения рецептуры с ТАРДК. Так подтверждение процентного состава смесей стало новой обязанностью регулятора. Агентство приняло

эту роль, хотя и выступило с заявлением, что судить о составе готовой продукции технически невозможно, нужно контролировать производственный процесс. Транснациональные корпорации восприняли это как требование раскрытия рецептуры, то есть «формулы».

В обоих случаях эксперты регулятора оставались в стороне от разбирательств, пока участники конфликта их не «окликали». Автор книги утверждает, что агентства пребывают в неопределённости и не имеют готовых политик и повестки для регулируемого ими сектора. Закон о табаке описывал роль регулирующего агентства так, что можно было предположить: TAPDK или обладает неограниченной властью или не обладает никакой. Именно поэтому, утверждает Эбру Кайаалп, регуляторы действуют так, как от них ожидают акторы их ассамбляжа, а основной задачей регулирующих органов становится оценка (*assessment*).

Вероятно, автор рецензируемой книги права, когда говорит, что в неолиберальной экономике количество времени, необходимого для превращения культивируемого растения в товар, уменьшилось, а число вовлечённых в процесс акторов и задействованных институциональных механизмов заметно выросло. Учитывая это, аналитик, использующий сетевой подход, вынужден принимать сложные решения о том, где во времени и пространстве он обрежет воображаемую сеть, какие акторы и взаимодействия окажутся более значимыми, чем другие. Что было бы, например, если бы Эбру Кайаалп не сделала главными героями своего исследования путешествующих экспертов, в которых увидела трансмиттеров институтов, призванных облегчить работу западных компаний на рынках развивающихся стран? Или если бы она не солидаризировалась с риторикой дара, к которой прибегали её информанты (принятие неолиберального Табачного закона как дар Турции в обмен на доступ к финансированию)? Кто знает, каким был бы её анализ! Может быть, глобальные стандарты и институты предстали бы чем-то вроде растаявшей карамели и засохших пряников — неликвидов советского пищевого сектора, идущих в нагрузку к «продуктовым пакетам»? Возможно, она решила бы, что как праздник позволял расчистить склады и в краткосрочной перспективе устранить проблемы неэффективности производства, так и кризис развивающейся экономики открывает международным финансовым институтам возможность выполнить свой план по экспорту неработающих «устройств», не вдаваясь в детальный анализ экономических выгод и издержек? В конце концов, Эбру Кайаалп даёт нам этнографически убедительное объяснение того, что стандарты и институты в местах оседания не дают гарантированных преимуществ западным компаниям, потому что не имеют собственного содержания и программы действий и обретают их ситуативно, когда интерпеллируются акторами, включёнными в ассамбляж с принимающей стороны. Более того, Эбру Кайаалп демонстрирует, что экономически для западных компаний на развивающихся рынках выгодны не борьба с коррупцией и внедрение западных стандартов «хорошего управления», а сохранение статус-кво, который обеспечивает им рыночные преимущества. Кризисная развивающаяся экономика получает от западных финансовых институтов «пакет», но значит ли это, что она сделает ответный дар? В общем, как знать, может быть, настойчиво повторяемое акторами «Табачный-закон-хотел-МВФ» — это не столько о даре, сколько о кризисе «формулы» бреттонвудских институтов?..

Литература

- Marcus G. E. 2013. Afterword: Ethnography between the Virtue of Patience and the Anxiety of Belatedness Once Coevalness Is Embraced. *Social Analysis*. 57 (1): 143–155.
- Mintz S. 1986. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. Boston: Penguin.
- Rose N., Miller P. 1992. Political Power Beyond the State: Problematics of Government. *The British Journal of Sociology*. 43 (2): 173–205.

NEW BOOKS

Natalia Conroy

Neoliberalism: In Search of Translation

Book Review: Kayaalp Ebru (2015) *Remaking Politics, Markets and Citizens in Turkey: Governing through Smoke*. Bloomsbury Academic.

CONROY, Natalia —

Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Department of Economic Sociology, School of Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: nconroy@hse.ru

Abstract

Ebru Kayaalp's book is a rare example of ethnographic research in which the reader will find everything in one place: an unusual mobile object, daring experimentation with fieldwork methods, a productive combination of the latest theoretical approaches, thought-provoking analysis, and a fascinating story. Using tools from actor-network theory and Callon's anthropology of markets, the author reveals the role of international experts and Western institutions ("devices") in the neoliberalization of modern Turkey's tobacco market. She claims that the devices experts employ to translate global standards into Turkish contexts did not just transform the tobacco market: they also depoliticized policy and created new "regimes of citizenship." At the same time, the researcher shows that global standards and institutions as

devices never match the conditions in their host countries and are never truly "localized." They depend on multiple actors in their new assemblages, and those actors give meaning, content, and action programs to the imported institutions. The author believes that this complicates any comparative analysis of developing countries' economies paving the way for liberalization. However, I want to believe that, with the growing number of ethnographies, there will be opportunities to compare and verify some of Ebru Kayaalp's extremely interesting and controversial assumptions. Is the process in which institutions are "settled" as qualitatively different from "localization" or "naturalization" as the author claims? Is there any place for a "gift" relationship between Western financial institutions and economies in crisis? Are international experts really the key actors helping the West's "traveling rationalities" to settle in the developing world? In my opinion, this remarkable ethnography is an important event, and the book could be a source of inspiration, a role model, and a good cause for debate, not just among anthropologists, sociologists, and historians but also among those who produce the expert knowledge that transforms policy and markets.

Keywords: anthropology of markets; multi-sited ethnography; actor-network theory; history of neoliberal reforms; expertise; tobacco; Middle East.

References

- Marcus G. E. (2013) Afterword: Ethnography between the Virtue of Patience and the Anxiety of Belatedness Once Coevalness Is Embraced. *Social Analysis*, vol. 57, iss. 1, pp. 143–155.
- Mintz S. (1986) *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*, Boston: Penguin.
- Rose N., Miller P. (1992) Political Power Beyond the State: Problematics of Government. *The British Journal of Sociology*, vol. 43, iss. 2, pp. 173–205.

Received: March 13, 2016.

Citation: Conroy N. (2016) Neoliberalizm: v poiskah perevoda [Neoliberalism: In Search of Translation]. Book Review: Kayaalp Ebru (2015) *Remaking Politics, Markets and Citizens in Turkey: Governing Through Smoke*. Bloomsbury Academic. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 146–155. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2.html> (in Russian).